

Дискуссии

От редакции. Вниманию читателей предлагается статья бельгийского слависта Эммануэля Вагеманса (Emmanuel Waegemans) «Царь против царевича, или Первый корабль на Неве». В 1945 году в Амстердаме вышел ныне забытый роман нидерландского писателя Жефа Ласта «Первый корабль на Неве», посвященный голландскому шкиперу Ауке Вибесу, который по преданию первым привел свой корабль в только что основанный Петербург и получил от царя Петра I за это большую награду. Однако замысел романа значительно шире его сюжетной основы. Можно сказать, что этот роман посвящен отношению европейцев к Петру I и – шире – отношению европейцев к России. Их отношение к Петру всегда было двойственным. С одной стороны, Петр занимался европеизацией (иногда пишут «вестернизацией») России. Вспомним А. К. Толстого:

... Не далее как к святкам
Я вам порядок дам!»
И тотчас за порядком
Уехал в Амстердам.
Вернувшись оттуда,
Он гладко нас обрил,
А к святкам, так что чудо,
В голландцев нарядил

Из-за политики вестернизации, проявившейся в многочисленных поездках царя за границу, широком привлечении иностранцев в Россию, внедрении в России европейских технологий, законов, бытовых норм, правил и т. д., Петр был популярен среди европейцев. С другой стороны, деспотизм и жестокость Петра, «варварскими методами борového с варварством» (удивительно, что эту мысль в разное время высказывали К. Маркс, А. И. Герцен и В. И. Ленин), вызывали отторжение у либеральных западных мыслителей и историков.

Ситуация повторилась в XX веке. Победившие в 1917 году большевики провозгласили построение в России социализма – нового справедливого общества, основанного на идеях Карла Маркса. После ужасов Первой мировой войны, послевоенного хаоса 1920-х годов и экономического кризиса 1929 года европейская левая интеллигенция не могла не сочувствовать социалистическому эксперименту в России. Многие западные интеллектуалы стали «друзьями Советского Союза», постоянно туда ездили и высказывались в его поддержку. Среди них был и голландский коммунист писатель Жеф Ласт. Эти поездки позволили интеллигенции Запада ближе познакомиться с жизнью в СССР. Они увидели не только мощный экономический и культурный подъем, энтузиазм великих строек социализма, но и низкий жизненный уровень, тотальный контроль за жизнью граждан, подавление гражданских свобод и другие негативные стороны советской действительности. Довершили эти впечатления репрессии 1937 года.

Многие западные интеллектуалы, включая и Ж. Ласта, испытали разочарование и отреклись от идей социализма. Но отреклись не все. Главным врагом демократии в Европе был германский нацизм. И наиболее дальновидные западные левые мыслители и политики понимали, что только Советский Союз может сломить военную мощь нацистской Германии, и продолжали поддерживать СССР. События 1941–1945 годов показали правоту этих идей. Нацистская Германия была повержена, авторитет Советского Союза в мире колоссально вырос, но на повестку дня вновь вышел вопрос о деспотизме советской системы. И, как представляется, Ж. Ласт попытался ответить на этот вопрос в своем романе «Первый корабль на Неве». Можно сказать, что роман Ж. Ласта посвящен не Петровской эпохе, а матрице российской истории – «путь к прогрессу через перенапряжение сил, обеспеченное жестокостью и террором».

*А. М. Пашков, доктор исторических наук,
профессор кафедры отечественной истории ПетрГУ*

DOI: 10.15393/uchz.art.2021.664

УДК 82.09

ЭММАНУЭЛЬ ВАГЕМАНС

доктор славистики, профессор эмеритус
Католический университет Лёвена
(Лёвен, Бельгия)
emmanuel.waegemans@telenet.be

ЦАРЬ ПРОТИВ ЦАРЕВИЧА, ИЛИ ПЕРВЫЙ КОРАБЛЬ НА НЕВЕ

А н н о т а ц и я . Автор представляет ныне забытый роман голландского писателя левых взглядов Жефа Ласта «Первый корабль на Неве» (1945) о голландском шкипере Ауке Вибесе, который

первым привел свой корабль в петербургский порт и получил за это награду от царя Петра I. Со временем шкипер разочаровывается в царе и его реформах, так как они основаны на насилии. Автор разоблачает миф о том, что Аuke Вибес первым пришел в петербургский порт. Значение романа заключается в разработке моральной дилеммы, которую решает западный человек: можно ли служить царю, который ни перед чем не останавливается.

Ключевые слова: Жеф Ласт, Петр I, голландский торговый флот, Петербург, Аuke Вибес, Ян Хиллебрантс, царевич Алексей Петрович

Для цитирования: Вагеманс Э. Царь против царевича, или Первый корабль на Неве // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2021. Т. 43, № 6. С. 115–121. DOI: 10.15393/uchz.art.2021.664

В 1945 году известный голландский писатель Жеф Ласт (1898–1972) опубликовал роман «Первый корабль на Неве»¹. В нем рассказывается история простого фризского юноши Аuke Вибеса, «тихого, крепкого, возможно, немного мягкосердечного мальчика, очень влюбленного» (18). Он влюблен в дочь мэра фризского городка Хинделопен Ромке Коммертс. Молодые люди питают друг к другу взаимную любовь, омраченную тем, что они придерживаются разных религиозных убеждений. Она – член реформатской церкви, он – баптист. Более того, после драки вспыльчивому Аuke невозможно оставаться в городке, он вынужден отправиться в Амстердам, где его обучают моряки и кораблестроители Ост-Индской компании. В большом торговом мегаполисе он слышит удивительные истории о «царе всех русских», который «сидел в простом кабаке в Архангельске за одним столом» с голландскими моряками и пил водку «из горлышка одной и той же бутылки, которая крутилась» (38). Заандамский шкипер утверждает:

«Я видел царя очень хорошо... Он могучий высокий парень, который имеет голову, большую, чем у своих товарищей, тоже не из самых маленьких, и лицо, которое было бы достаточно приятным, если бы оно не всегда омрачалось неким приступом ярости. Более того, люди дают ему достаточно поводов, потому что, где бы он ни показывался, они сразу толпятся вокруг него, создавая суматоху и топча маленьких кричащих детей. Это также причина того, что он оставался в Заандаме только на неделю. Было досадно видеть такой большой интерес к смертному человеку <...> правителю миллионов, который в такие моменты настолько слабо контролировал свою вспыльчивость» (39–40).

Те, кто видел его, говорят так:

«Он был грубым, как житель польдеров, пьяница без меры, скотина, который чувствует себя комфортно между головорезами на наших ярмарках, и все же от него исходит что-то, что делает невозможным не питать к нему определенную симпатию» (41–42).

Очевидец объясняет свою симпатию:

«Хотя он не делает ни малейшего различия между дворянами и людьми низкого происхождения, между богатыми и бедными, он предпочитает компанию последних, потому что он с ними может вести себя без cere-

моний и по-человечески. Он выше ценит мастерство, усердие и добродетель, чем самый красивый герб или самый толстый кошелек, и говорят, что в своей стране он поднял бывших крепостных на самые высокие посты и сделал их своими близкими друзьями» (42).

Удивленному всеми этими историями, Аuke часто приходилось «думать о стране, где император был моряком и где хороший моряк все еще мог сделаться адмиралом» (43). По легкомыслию Аuke завербовывается в Ост-Индскую компанию. На кораблях он изучает хитрости ремесла, но это отдаляет его еще больше от отца, потому что все знали, что насилие было обычным делом для ост-индских моряков (66). Параллельно с приключениями Аuke Вибеса автор романа рассказывает о ситуации в России под руководством регентши Софьи и ее советника-любовника Василия Голицына, которые описаны как жаждущие власти циники, желающие свергнуть Петра. Ни Софья, ни бояре, ни простой народ не поддерживают реформы Петра:

«Но все они без исключения чувствовали себя избранным народом, со своими вшами и клопами, намного выше иностранцев, они объединены в своей ненависти ко всем, кто хотел разбудить их ото сна» (69–70).

Решающим в жизни Вибеса является знакомство с Николасом Витсенем² в Навигацкой школе. Витсен был не только мэром Амстердама, но и одним из самых богатых купцов города, автором справочника по кораблестроению и другом царя Петра. Витсен питает симпатию к простому мальчику из Хинделопена и обещает ему место на одном из своих балтийских кораблей. Тем временем отец Ромке решает отправить свою дочь в Амстердам на год, чтобы «завершить воспитание» (105). Вибес работает на Витсена на «De Vergulde Kieviet», старом корабле, который плавает у побережья Швеции и импортирует глиняную посуду, вино и голландскую одежду, возвращаясь с древесиной в Голландию. В шведских портах он слышит рассказы о шведском короле Карле XII, который после позорного поражения русских в Нарве публично издевается над ними. Мэр Витсен так характеризует Петра и Карла XII: «Различие между Петром и королем

Карлом состоит в том, что один борется за будущее, другой борется за проигранное дело» (139). Он спрашивает Вибеса, слышал ли тот, что царь обещает большую награду за первое судно, которое зайдет в его новый порт в Санкт-Петербурге. «До сих пор ему пришлось ждать напрасно. Швеция и англичане блокируют Финский залив, а на суше шведы находятся в Сестре. Это остается ненадежным предприятием» (140). Витсен просит Вибеса отправить его в Санкт-Петербург в качестве командира корабля «Де Вергульде Кивит». Автор рисует позитивный образ царя:

«Как гигант в рукавах, царь стоит посреди своей России и рубит вдоволь, щепки летят во все стороны, и каждый, кто встает на его пути, получает удар. <...> Он не знает ни традиции, ни почтения, ни жалости. Он новый Адам, голый, но вооруженный топором, чтобы создать новый образ своей России из твердого дерева, в котором она спит. Он буйный, здоровый, сильный и безмерный, как и первый мужчина, безжалостный любитель мужчин и женщин, друг Гаргантюа, Пантагрюэля и пьяница» (146).

«Де Вергульде Кивит» покидает рейд Тексела в последнюю неделю сентября 1703 года, чтобы дойти до устья Невы. Корабль посещает «гигантский парень», который «как Нептун сам поднялся из моря»:

«...этот Голиаф был одет довольно потрепанно, в рубашке с пятнами, без парика или шпаги. Он представился Ауке на ломаном нидерландском языке как торговец из Архангельска, который вел много дел с голландцами и теперь также хотел купить часть груза Ауке» (152–153).

Торговец ведет его в свой маленький дом, «голый и бедный снаружи, полностью украшенный изнутри, как дом в Заандаме». Там его угощает жена торговца свежее испеченными блинами и водкой. Торговец немедленно хочет договориться о покупке голландского груза и готов заплатить любую цену, которую запросит Вибес. Только когда Меншиков входит и называет хозяйина «Ваше величество», Вибес понимает, что это царь, и он уже не может не ответить на его предложение. Петр говорит:

«Хорошо, летающие голландцы! Поблагодарите звезды, что вы вовремя изменили свое мнение, а теперь опустошите кружку за первый корабль на Неве, за расцвет Петербурга, за будущее России!» (156).

Он платит Вибесу четыре раза стоимость его груза и дает ему право плавать бесплатно во все российские порты. Вибес получил большую награду от царя³, который позволил ему погасить долги своего будущего тестя, мэра Хинделопена, и получить разрешение жениться на его дочери. Молодая невеста принимает веру баптистов, так что все препятствия

для брака устранены. Последнее не остается незамеченным в деревне. Мальчишки кричат мэру: «Торговец душ! Выходи, трус, который разбазарил веру дочери, чтобы оплатить свои долги!» (162). Но Ромке сделала этот шаг добровольно, будучи пропитана «глубокой теплотой» баптистского сообщества (161). Через некоторое время у Ауке родился сын:

«Вопреки любой традиции, он решил, что мальчик будет звать Петер. Он думал об этом в тихие ночи на борту, частично из-за благодарности, потому что великодушие царя Петра сделало возможным его брак, частично из-за восхищения и, возможно, сам в этом не признаваясь, из-за врожденного голландского коммерческого духа, из-за такого крестного отца, от которого ожидаема милость для крестника» (168).

Соседи Ауке были недовольны выбором имени ребенка: «Ни одного ребенка не звали как иностранного язычника!» (168).

Вибес дважды посещал Санкт-Петербург со времени своей первой поездки в Россию:

«Оба раза царь, как только видел голландский флаг на стеблях “Петра и Павла”, греб на борт. <...> Когда он высаживался, то заранее приглашал шкипера и рулевого явиться в его резиденцию и посетить все торжества в качестве гостей. Когда они приходили, он замечал их за столом, пил за их здоровье и за благополучие республики и, между прочим, проявлял себя с самой любезной и простой стороны. Ауке хотел, чтобы его сын, будучи богатым и, как он надеялся, командиром корабля своего отца, демонстрировал ту же простоту, открытость и любовь к знаниям и науке, что и его крестный отец» (169).

В своих беседах с царем Вибес мог убедиться, что Петр «нес меч во имя служения идее, что ему не нравилось кровопролитие, пожары и разрушение, что он хотел прежде всего строить» (170). Вопрос о ведении войны был фундаментальным для Вибеса, потому что его баптистская вера запрещала ему носить оружие. Даже драки были запрещены. Во время своих визитов в молодую Россию Ауке

«видел достаточно людей, чтобы понять, в каком зачаточном состоянии они еще находятся. Все, что делали россияне, они делали спешно, иногда с обманом, почти никогда не работали, глядя в будущее, и, независимо от того, делали они хорошую работу или плохую, оставались равнодушными. Между ними Петр был как гигант, который один идет на высокую гору, в то время как десять миллионов маленьких людей пытаются тащить его обратно. И великан, который был всего лишь человеком, каждый раз падал с ними в грязь... Он всегда вставал снова и, не теряя уверенности, продолжал свое восхождение на гору, поэтому Ауке восхищался им. То, что он так мало заботился о крови и грязи, которые прилипали к его рукам после каждого падения, вот что заставило Ауке содрогнуться, чтобы назвать своего собственного сына его именем. Царь Петр был жестоким

человеком, но и молодой Петер, который кричал в утробе своей матери, уже показал себя жестоким» (171).

Его сомнения вскоре исчезают:

«Тогда пусть Петер возьмет на себя безудержное стремление к действию и не голландскую страсть к великому, подумал он; с самым материнским молоком мой мальчик впитает ту любовь и терпение, которые являются лучшими качествами нашего народа» (172).

Каждый раз, когда Аuke возвращался из путешествия в Россию, он рассказывал своему сыну о городе на Неве, который постоянно растет, о продолжающейся войне, которую приходится вести царю. В деревне его сын был теперь «главарем в каждом смелом приключении», его прозвали «царем», и «были моменты, когда он действительно чувствовал себя царем Петром» (177). Вдохновленный рассказами своего отца, он однажды отправился в соседнюю деревню играть в Полтавскую битву и стал персоной нон-грата в обществе баптистов, которым не разрешали драться. Чтобы утихомирить сына, отец решает отвезти его на своем корабле в Петербург. Мальчик видит все, что происходит в граде Петровом, занятом строительством, но он по-настоящему радуется, когда его замечает царь, который одобряет его поведение: «Крепкий ты человек, работаешь со шваброй, это я люблю, братец, начинать внизу – вот мой лозунг, а потом видеть, что ты вдруг наверху» (190). Царь доверяет ему:

«Ты должен все проверить сам, понимаешь, ты ничего не можешь оставить без контроля. Все мои русские – воры, глупцы, которые даже за границей лентяйничают вместо того, чтобы чему-то научиться. Они напиваются и играют в кости, и я посылаю кого-то присматривать за ними, но он становится еще хуже, чем ученики. Даже если кажется, что они приобрели некую цивилизацию, как только они возвращаются в Россию, у них появляются старые привычки. И воровать у них в крови. Ты знаешь, что сказал председатель верховного совета, когда я хотел наказать за коррупцию смертью? Он сказал: “Ваше величество, вы действительно хотите остаться один в своей стране?” И он был прав и знал, что я пожалел его, потому что, по крайней мере, у него хорошая голова. Большинство из них идиоты, и, если они хотят что-то вспомнить, вы должны сначала написать это кнутом у них на спине. Но я многое прощаю за то, что они могут сделать что-нибудь своими головами или руками, даже если они негодяи!» (191–192).

И по дороге к «матушке Кате», которая печет блины, он говорит: «Хотелось бы, чтобы у меня был мальчик, похожий на тебя» (192). Сообщения о враждебности между царем Петром и его сыном Алексеем также доходят до Вибеса. «Он все еще лелеял эту странную смесь восхищения и ужаса перед царем» (213). Его жена на-

учила, что лучше страдать от любой несправедливости, чем сопротивляться насилию, это было основой ее и его веры и это затрудняло безоговорочно одобрить Петра:

«То, чего он достиг только благодаря личным усилиям за эти несколько лет, было восхитительно, никто не может судить об этом лучше, чем Аuke; но в то же время никто не знал лучше, чем он, на каких шатких основаниях было возведено это впечатляющее здание» (214).

Его жена повторяет:

«Сердца людей подчиняются не насилию, а добродетели. Судьба царя заключается в том, что он хочет обучать весь народ, не начиная свое собственное воспитание. Вот почему он всегда должен прибегать к насилию в конечном счете. Насилие, однако, может изменить только внешние формы вещей, но не их суть» (214).

Аuke беспокоится о своем сыне, который очень восхищается царем Петром. Во время следующей совместной поездки в Россию отец и сын Вибес узнают о побеге царевича в Австрию. Сын утверждает, что «дезертиры заслуживают пули!», на что отец задает ему вопрос: «Хочешь ли ты, чтобы отец покушался на собственного сына?» Петер отвечает: «Не хвалят ли справедливость Брута, который убил собственных сыновей, потому что они предали Рим?» Аuke сердито отвечает: «Брут был язычником, который не знал милости креста. Петер, ты с ума сошел, когда ставишь язычника выше Христа, который учил нас прощать семьдесят семь раз» (226–227). Отец и сын приезжают в Санкт-Петербург во время белых ночей, когда отмечают победу в Полтавской битве. После праздника сын Вибес узнает о смерти царевича. Царь оправдывается:

«Говорят, что я убил своего ребенка, но кто мой ребенок, я спрашиваю вас, кто мой ребенок: Россия или Алексей? Если вы говорите о сыновьях, ребята, то вы мои сыновья, которые противостояли пороку и пулям, голоду и холоду и которыми я пожертвовал, когда это было необходимо для исполнения воли Бога, который хочет видеть Россию великой. Вы сердитесь по этому поводу? Вы ненавидите меня так, как ядовитая нечисть ненавидит меня и мою работу? Ребята, я родил вас в поту труда. Без вас империя жила бы так же мало, как тело без души. Вы доказали свою любовь к Богу, ко мне и к отечеству. Вы не пожалели свою жизнь, как и я не пожалел свою <...>

Кто из вас мог подумать десять лет назад, что я построю столицу здесь, на шведском Балтийском море? Кто мог вообразить расцвет искусств, науки и торговли, который я хочу сравнить с кровообращением в организме человека? У кого из вас нет чувства, что прожил век за десять лет? Тогда молитесь и работайте, тогда при вашей жизни мы сумеем посрамить другие, более цивилизованные народы, тогда каждый из вас может гордиться тем, что змея хотела уничтожить, чью голову я вчера раздавил, во имя России» (233–234)⁴.

Когда отец Вибес узнает своего пьяного сына в компании царя, он призывает его немедленно вернуться на корабль, но сын отказывается и продолжает пьянствовать с царем. На следующее утро корабль отца отходит без сына. Когда сын просыпается утром в Монплезире, царь предлагает ему поступить на русскую службу и, возможно, стать таким же хорошим адмиралом, как Корнелий Крюс. Но когда первый груз, который он должен везти, состоит из «длинных мужиков» (*lange Kerls*) для короля Пруссии⁵, Вибес пасует. Царь понимает его отказ, прощает и разрешает ему вернуться в Голландию. Прибыв в Нидерланды, Вибес понимает, что не может вернуться в родной Хинделопен, потому что отец не простит его поведение в Петербурге, и отправляется в соседнюю деревню Каудум, где перед отъездом он встретил девушку Тялте Адему, сироту из бедной семьи батраков (219). Она восхитила его «крепким жизненным интересом, независимостью характера и сильным и здоровым телом» (220). Он женится на ней и просит у матери прощения. Вскоре у них рождается ребенок. Деревня, в которой они жили, находится под угрозой затопления, отец Вибес вынужден помочь сыну и невестке, заключив мир и предложив им жить в родительском доме.

Во время своей следующей поездки в Петербург, после заключения Ништадтского мира, Петер Вибес снова встречается царя, который спрашивает, нет ли у него амбиций. Петер отвечает:

«Есть, Ваше Величество. Амбиция быть хорошим шкипером и хорошим голландцем. Ваше Величество должен взглянуть завтра на карты и инструменты, которые я привез из Голландии. Разве не достаточно быть честным торговцем, чтобы привозить лучшее из России в Голландию и лучшее из Голландии в Россию?»

Царь спросил его: «Как ты думаешь, что лучшее в России, Петер?» Петер ответил: «Ваша смелость, ваша сила и ваша уверенность в завтрашнем дне». «А лучшее в Нидерландах?» «Наша терпимость, наше почтение к человечеству и наша любовь к миру!» Мгновение царь подумал, затем сказал:

«Иди с Богом, Петер, я думаю, что ты прав. Наша задача различна так же, как наши народы. Но я всегда буду рад тому, что это был голландский корабль, корабль Ауке Вибеса, который первым поплыл на Неве» (270–271).

* * *

Жеф Ласт (1898–1972) – известный левый голландский писатель, который в 1930-е годы находился под сильным впечатлением от общественного эксперимента в Советском Союзе.

Страну Советов он впервые посетил в 1931 году [9], [11]⁶. В 1932 году он начал работать в качестве голландского советника в Международной ассоциации революционных писателей в Москве и совершил большое путешествие по Уралу. Лишь в следующем году появилась его книга «Стальной фундамент» (1933) – единственная книга, которой автор позже стыдился. После этой поездки он стал членом Коммунистической партии Нидерландов. На него произвели впечатление французские интеллектуалы, такие как Луи Арагон и Андре Мальро. Для него, как для писателя, самой важной встречей стала встреча с Андре Жидом⁷, который выступил на Европейском конгрессе антифашистских писателей. Порвав с буржуазной литературой («Товарищи, время пришло, буржуазная литература умирает от своей собственной гнилости»), Ж. Ласт обращал больше внимания на художественную красоту, чем на революционное содержание. Вместе с Жидом они совершили поездку в Советский Союз, результатом которой в 1936 году было написание критической для советского режима книги «Возвращение из СССР» («*Retour de l'URSS*») А. Жид. Ж. Ласт принимал участие в гражданской войне в Испании, но все более критически относился к проводимой там коммунистической политике. Когда военный совет, в котором коммунисты задавали тон, приговорил его к смертной казни в конце 1937 года, Ласту удалось бежать в Скандинавию. В 1938 году он отказался от членства в партии. В 1939 году вернулся в Нидерланды. Во время Второй мировой войны он находился на нелегальном положении как участник движения Сопротивления и должен был скрываться до 1942 года. Его роман – «Первый корабль на Неве» – был опубликован в 1945 году. Затем зарабатывал на жизнь как журналист и писатель. В 1966 году вышла его книга «Мой друг Андре Жид». Будучи социалистическим анархистом, Ласт участвовал в муниципальных выборах в Амстердаме от группы «Прово» (анархисты).

О том, что первым шкипером, пришедшим в порт Петербург, был Ауке Вибес, впервые написал известный голландский историк Якобус Схельтема⁸. В своей «Истории отношений между Нидерландами и Россией» он говорит о 500 дукатах, которые шкипер получил за свой смелый прорыв через шведскую блокаду Петербурга, и 100 гульденах за матросов корабля. Мы также находим эту версию почти во всех российских исследованиях. А. В. Предтеченский и В. В. Мавродин повторяют эту историю [3: 66], [4: 25]⁹. А. М. Шарымов в книге по истории Санкт-

Петербурга подверг ее критическому анализу [2], [8: 715–725]. Он обратился к архивариусу городка Хинделопен во Фрисландии, откуда и приехал Вибес. Тот в письме к А. М. Шарымову подтвердил, что в городских архивах нет никаких документов об Ауке Вибесе. Несмотря на это, городской совет решил установить статую своему знаменитому земляку. Первым голландцем, который подверг сомнению историю фризского шкипера, был Фритс Спитс [10: 66–67]. Ф. Спитс заявил, что историк Якобус Схельтема, выходец из Фрисландии, придумал эту историю из «местного патриотизма». Настоящим первым голландским шкипером, посетившим Петербург, был не Вибес, а Ян Хиллебрантс (Jan Hillebrants). Существует множество российских источников, подтверждающих эту версию, например, в известном сочинении И. И. Голикова «Деяния Петра Великого» упоминается не Ауке Вибес,

а некий Гильбранд¹⁰. На самом деле это был Ян Хиллебрантс, шкипер с острова Терсхеллинг. Известно, что царь Петр упоминает его в письме к Меншикову от 1712 года¹¹. Имя появляется в русской газете «Ведомости» от 23 декабря 1703 года¹².

Роман Жефа Ластва, который основан на устоявшейся историографии, конечно, не об исторической достоверности реконструированной истории, а о моральной дилемме, которая лежит в основе сомнений Ауке и Петра Вибесов: можно ли служить царю, не боящемуся насилия над гражданами, которые должны соответствовать его планам и прихотям. Эта важная моральная проблема также лежит в основе других голландских литературных произведений, которые фокусируются на фигуре Петра I. Я подробно остановился на этом в своих книгах о Петре Великом в Бельгии [1], [7].

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Last J. Het eerste schip op de Nieuwa. Amsterdam: De Arbeiderspers, 1945. 278 p. Далее цитируется по этому изданию с указанием страницы в круглых скобках.

² Витсен Николас (Nicolaes Witsen) (1641–1717) – голландский политик и предприниматель, бургомистр Амстердама в 1682–1696 годах. В 1666–1667 годах посетил Россию в составе голландского посольства; сохранился его дневник и записка об этом путешествии. В 1692 году издал составленное им первое в Западной Европе описание Сибири «Северная и Восточная Тартария» (2-е дополненное издание вышло в 1705 году), с 1693 года начал торговлю с Россией.

³ Эпизод с прибытием первого голландского корабля в Петербург вошел в фильм «Петр Первый» (2 серии, киностудия «Ленфильм», 1937–1938).

⁴ Данное рассуждение царя перекликается с его речью при спуске корабля «Шлиссельбург» 28 сентября (11 октября) 1714 года, приведенной Ф.-Х. Вебером (см.: Вебер Ф.-Х. Преображенная Россия: новые заметки о нынешнем состоянии Московии. СПб., 2011. С. 20–21).

⁵ У прусского короля Фридриха Вильгельма I (1688–1740) в армии был полк солдат высокого роста (не менее 2 метров), известных как «потсдамские великаны», «длинные парни» («Lange Kerle») или «великанская гвардия» (Riesengarde). Чтобы заручиться поддержкой Пруссии, Петр I дарил своих рослых солдат прусскому королю, всего в 1714–1724 годах им было передано «в подарок» 248 солдат, еще 152 были отданы «в услужение».

⁶ Нас не удивляет, что просоветский писатель Ж. Ласт был достаточно хорошо представлен в русских переводах (см. [6: 208–209]). Его роман «Первый корабль на Неве», по понятным причинам, не мог быть опубликован в Советском Союзе.

⁷ Жид Андре (André Gide) (1869–1951) – французский писатель, лауреат Нобелевской премии по литературе (1947), в первой половине 1930-х годов придерживался левых взглядов, симпатизировал СССР. Летом 1936 года посетил СССР. Вернувшись во Францию, издал книгу «Возвращение из СССР», в которой отметил отсутствие свободы мысли и жесткий контроль за литературой и общественной жизнью, после чего его имя попало в СССР под запрет.

⁸ Scheltema J. Rusland en de Nederlanden beschouwd in derzelver wederkerige betrekkingen. Deel III. Amsterdam, 1818. P. 154–155. Части этого большого труда переведены на русский язык, см. [5].

⁹ Известный историк Якоб Штелин рассказывает в своем сборнике «анекдотов» об угощении голландцев блинами, но не называет имя шкипера (Stählin J. Originalanekdoten von Peter dem Grossen. Leipzig, 1988. S. 49–50; см. также новейшее издание на русском языке: Штелин Я. Подлинные истории из жизни императора Петра Великого. М., 2018. 256 с.).

¹⁰ Голиков И. И. Деяния Петра Великого, мудрого преобразователя России, собранные из достоверных источников и расположенные по годам. Изд. 2-е. Т. 7. М., 1837. С. 443–444.

¹¹ Письма и бумаги императора Петра Великого. Т. 12. Вып. I. М., 1975. С. 89.

¹² Сообщение из Амстердама от 19 ноября / «Ведомости» № 38 от 23 декабря 1703 года // Ведомости времени Петра Великого. М., 1903. С. 100.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Вагеманс Э. Царь в Республике. Второе путешествие Петра Великого в Нидерланды (1716–1717). СПб.: Европейский Дом, 2013. 257 с.
2. Кирпичев Ю. Первый корабль в Петербурге // Звезда. 2018. № 6. С. 153–158.

3. Мавродин В. В. Основание Петербурга. Л.: Лениздат, 1983. 208 с.
4. Предтеченский А. В. Основание Петербурга // Петербург петровского времени. Л.: Газетно-журнальное изд-во, 1948. С. 5–48.
5. Русская библиография о Голландии и русско-голландских отношениях, 1700–2000 / Под ред. Э. Вагеманса, Х. ван Конингсбрюгге. СПб.: Алетейя, 2003. 288 с.
6. Схелтьенс В. Библиография нидерландской литературы на русском языке. СПб.: Алетейя, 2003. 302 с.
7. Ханс А., Вагеманс Э., Гузевич Д. Царь-плотник во Фландрии. История одной легенды. СПб.: Европейский Дом, 2014. 100 с.
8. Шарымов А. М. Предыстория Санкт-Петербурга. 1703 год. Книга исследований. СПб.: Нева, 2004. 775 с.
9. Biografisch Woordenboek van het Socialisme en de Arbeidersbeweging in Nederland [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://socialhistory.org/bwsa/biografie/last>; www.jeflast.nl (дата обращения 06.03.2020).
10. Spits F. Wie was “De eerste schipper op de Nawa”? Twijfel over het verhaal van de Hindelooper schipper Auke Wybesz // *Het Behouden Huys*. 1984. № 3. P. 66–67.
11. Stutje J. W. Tussen hoop en angst. De communistische jaren van Jef Last // *Maatstaf*, 42, oktober 1996.

Поступила в редакцию 08.02.2021; принята к публикации 26.07.2021

Emmanuel Waegemans, Doctor of Philosophy (Slavic Studies), Professor Emeritus, Catholic University of Leuven (Leuven, Belgium)
emmanuel.waegemans@telenet.be

TSAR VS TSAREVICH OR *THE FIRST SHIP UP THE NEVA*

Abstract. The article analyzes a forgotten novel by a leftist Dutch writer Jef Last *The First Ship Up the Neva* (1945) about a Dutch skipper Auke Wibes, who was the first to bring his ship to the port of St. Petersburg and received a great reward from the Russian Tsar Peter the Great for doing this. Over time, the skipper becomes disillusioned with the Tzar and his reforms, because they were based on violence. The author exposes the myth that Auke Wibes was the first to arrive at the port of St. Petersburg. The significance of the novel lies in the development of a moral dilemma faced by a western person in contact with the imperious Tsar who will stop at nothing.

Keywords: Jef Last, Peter the Great, Dutch merchant fleet, Saint Petersburg, Auke Wibes, Jan Hillebrands, Tsarevitch Aleksey Petrovich

For citation: Waegemans, E. Tsar vs Tsarevich or *The First Ship Up the Neva*. *Proceedings of Petrozavodsk State University*. 2021;43(6):115–121. DOI: 10.15393/uchz.art.2021.664

REFERENCES

1. Waegemans, E. The Tsar in the Republic. The second travel of Peter the Great to the Netherlands (1716–1717). St. Petersburg, 2013. 257 p. (In Russ.)
2. Kirpichev, Yu. The first ship in Saint Petersburg. *Zvezda*. 2018;6:153–158. (In Russ.)
3. Mavrodin, V. V. The founding of Saint Petersburg. Leningrad, 1983. 208 p. (In Russ.)
4. Predtechensky, A. V. The founding of Saint Petersburg. *St. Petersburg of the Petrine times*. Leningrad, 1948. P. 5–48. (In Russ.)
5. Russian bibliography of Holland and Russian-Dutch relations, 1700–2000. (E. Waegemans, H. van Koningsbrugge, Eds.). St. Petersburg, 2003. 288 p. (In Russ.)
6. Scheltjens, W. Bibliography of Dutch literature in Russian translation. St. Petersburg, 2003. 302 p. (In Russ.)
7. Hans, A., Waegemans, E., Guzevich, D. The carpenter Tsar in Flanders. The story of one legend. St. Petersburg, 2014. 100 p. (In Russ.)
8. Sharymov, A. M. The prehistory of Saint Petersburg. 1703. The book of research. St. Petersburg, 2004. 775 p. (In Russ.)
9. Biografisch Woordenboek van het Socialisme en de Arbeidersbeweging in Nederland. Available at: <https://socialhistory.org/bwsa/biografie/last>; www.jeflast.nl (accessed 6.03.2020).
10. Spits, F. Wie was “De eerste schipper op de Nawa”? Twijfel over het verhaal van de Hindelooper schipper Auke Wybesz. *Het Behouden Huys*. 1984;3:66–67.
11. Stutje, J. W. Tussen hoop en angst. De communistische jaren van Jef Last. *Maatstaf*, 42, oktober 1996.

Received: 8 February, 2021; accepted: 26 July, 2021